

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 277–287.

УДК 930

DOI 10.25513/2312-1300.2017.4.277-287

В. С. Груздинская, О. В. Метель

«ПРАВДА ЛИ, ЧТО В РОССИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ СОХРАНИЛИСЬ УНИВЕРСИТЕТЫ?»: И. К. ЛУППОЛ О СПЕЦИФИКЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКИХ УЧЁНЫХ С ЗАПАДНЫМИ КОЛЛЕГАМИ В 1920-е гг.*

Предложена повторная публикация статьи советского философа, представителя школы А. М. Деборина И. К. Луппола «Об особенностях работы советского учёного за границей», впервые появившейся в печати в 1927 г. в малодоступном современному исследователю журнале «Научный работник». Статья повествует не только об изменении практики заграничных научных командировок в 1920-е гг., но и о положении советского учёного в «чуждой» идеологической среде. На основе как непосредственных впечатлений от заграничных поездок, так и рассказов коллег И. К. Луппол фиксирует сложившейся на Западе образ советской науки.

Ключевые слова: советская историография; история советской науки; образ советской науки; И. К. Луппол; заграничные командировки; Институт красной профессуры.

V. S. Gruzinskaya, O. V. Metel

“IS IT TRUE THAT UNIVERSITIES HAVE SURVIVED IN RUSSIA AFTER THE REVOLUTION?”: I. K. LUPPOL ABOUT THE PARTICULARITIES OF SOVIET SCIENTIST RELATIONS WITH THE WESTERN COLLEAGUES IN THE 1920s

The source is republication of the article of I. K. Luppol “About the particularities of soviet scientist working abroad” that was published in journal “The scientific worker” which is a difficult to access for modern researcher. This article shows as change of practice of foreign missions in the 1920s as position of soviet scientist in another ideological atmosphere. Analyzed personal experience and the story of his colleagues I. K. Luppol fixes the western current image of soviet science.

Keywords: history of soviet science; image of soviet science; I. K. Luppol; foreign missions; Intuition of red professors.

Повторная публикация журнальных статей других авторов, осуществляемая не их учениками или коллегами и вне юбилейных сборников, – явление крайне редкое в историографии. И исследователь, решившийся на подобный шаг, должен представить веские доводы, побудившие его проделать такую ра-

боту. Для нас они оказались связаны, с одной стороны, со значимостью статьи И. К. Луппола для понимания специфики функционирования советской науки в 1920-е гг., а с другой – с малодоступностью интересующего нас текста для большинства современных исследователей. Так, первоначально данная

* Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688.2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

статья была опубликована в 1927 г. в малоизвестном сегодня журнале «Научный работник», издававшемся в 1925–1930 гг. Центральным советом секции научных работников Союза работников просвещения СССР, и в дальнейшем была забыта, не получив широкого распространения в работах по истории советской гуманитаристики [1]. Однако для специалиста в области истории советской науки работа И. К. Луппола представляет значительный интерес, позволяя, во-первых, показать специфику научных контактов советских авторов со своими европейскими коллегами на «бытовом уровне», вне залов официальных конференций; во-вторых, реконструировать своеобразный «автопортрет» – образ советской науки, сложившийся, по мнению советских исследователей, на Западе; и наконец, изучить феномен зарубежных научных командировок советских учёных 1920-х гг., практически не привлекавший внимание исследователей ранее.

И. К. Луппол (1896–1943) являлся значимой фигурой для советской гуманитаристики 1920–30-х гг. Выпускник философского отделения Института красной профессуры, ученик и коллега А. М. Деборина, специалист в области истории философии и знаток философских трудов В. И. Ленина, он принимал участие во всех крупных исследовательских проектах в области философских наук в 1920-е гг., редактируя специализированные разделы энциклопедий и осуществляя публикацию трудов классиков философской мысли. Именно для решения последней из названных задач в июле–сентябре 1927 г. И. К. Луппол был командирован в Германию и во Францию, получив задание ознакомиться с оригиналами текстов философов нового времени (Т. Гоббса, Дж. Толанда, П. А. Гольбаха и др.) [2; 3, л. 1]. «Побочным» результатом этой поездки стала серия статей, две из которых были выполнены в жанре путевых заметок, знакомящих советского читателя с жизнью Берлина и Парижа [4; 5], одна же, представленная нами к повторной публикации в настоящем издании, представляла собой размышления философа об особенностях работы советских исследователей в научных учреждениях Западной Европы [6].

Как отмечал сам автор, подобный факт «командирования» исследователя из одной

страны в другую не представлял собой «ни чего-либо редкого, ни чего-либо заслуживающего особого интереса» [1, с. 99]. Советские учёные в 1920-е гг. достаточно часто отправлялись за границу с научными целями самого разного характера. Так, в 1925 г. выпускница ИКП А. М. Панкратова получила командировку в Германию и во Францию для работы над монографией «Левое крыло Амстердамского Интернационала и борьба за единство мирового профдвижения» [7, с. 11]; в июле 1928 г. группа советских учёных во главе с М. Н. Покровским была делегирована в Германию для выступления с докладами в рамках «недели советской исторической науки» [8, с. 118], тогда же с целью знакомства с новейшей литературой по истории религий за границу отправился сотрудник Института истории РАНИОН В. К. Никольский¹, в 1930 г. советские специалисты приняли участие в VII Международном конгрессе философов в Оксфорде² и т. д. Однако нельзя не отметить, что подобные поездки серьёзно отличались от дореволюционной практики научных командировок, когда и оставленные для подготовки к профессорскому званию, и состоявшиеся учёные имели возможность годами работать в западноевропейских научных центрах и, как следствие, устанавливать необходимые научные контакты, позволявшие в дальнейшем печататься в зарубежных журналах и чувствовать себя частью мирового исследовательского сообщества [9]. Советские же учёные выезжали за рубеж на несколько месяцев, в течение которых они могли или получить доступ к архивным документам, или опосредованно познакомиться с последними достижениями западных коллег, или представить результаты своей собственной работы. Установление прочных научных контактов в подобных условиях оказывалось затруднительным. Этому препятствовали кратковременность поездки, идеологические установки сторон и недостаточное владение советскими авторами иностранными языками [10].

Представленная нами статья И. К. Луппола не является строго научной ни по своим задачам, ни по своему характеру. Она написана для относительно широкого круга читателей, большинство из которых, учитывая тематическую направленность журнала,

должны были составлять научные работники страны. Вероятно, именно поэтому автор заботился скорее о красоте слога и яркости приводимых образов, чем о строгости изложения. Все приводимые факты представлены в форме абстрактных курьезов, хотя и основанных на реальных событиях, но имеющих преимущественно символическое значение. Недаром, при их описании И. К. Луппол воздержался от прямого указания имен и фамилий действующих лиц, обозначив их лишь инициалами. И хотя многих участников описываемых событий идентифицировать довольно легко, некоторые лица установить мы не смогли. Что же касается самих приводимых фактов, то они, на наш взгляд, являются реальными, хотя и подвергшимися значительной авторской обработке. В результате, для И. К. Луппола развитие научных контактов между советскими учёными и их западными коллегами является прямым продолжением международной политики, с её противостоянием социалистического и капиталистического миров. Некоторое исключение автор делает для Германии, являвшейся в 1920-е гг. важным партнёром СССР на международной арене, тогда как Франция предстаёт в очерке ярким примером предвзятого отношения к достижениям советской научной мысли. Хотя при ближайшем рассмотре-

нии оказывается, что советские исследователи добились несравненно больших результатов, чем их французские коллеги даже в изучении их собственного философского наследия. Подтверждая подобный вывод, И. К. Луппол приводит пример философа-материалиста XVIII в. Л.-М. Дешана, подготовка к изданию трудов которого началась в СССР раньше, чем во Франции. В рамках настоящего введения мы не будем ставить вопрос о корректности и достоверности нарисованной И. К. Лупполом картины. Мы полагаем, что она в первую очередь важна сама по себе как живое свидетельство эпохи, отражающее взгляды советских учёных на собственную науку и её соотношение с зарубежной исследовательской практикой.

Текст настоящей статьи публикуется по изданию 1927 г. Орфография и пунктуация автора, за исключением случаев ошибочного написания иностранных слов, сохранены. Встречающиеся в тексте сокращения раскрыты в квадратных скобках, в тех случаях, когда это оказалось невозможно, мы сохранили исходный вариант текста. Перевод иностранных слов и выражений указан в круглых скобках. Имена собственные даны без перевода. Необходимые пояснения приведены в примечаниях к основному тексту статьи.

И. К. Луппол

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАБОТЫ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО ЗА ГРАНИЦЕЙ

Факт поездки учёного одной страны для научной работы в другую страну не представляет собой ни чего-либо редкого, ни чего-либо заслуживающего особого интереса. Официальный отчёт о проделанной работе, доклад в обществе или кружке специалистов, – вот, казалось бы, единственные точки соприкосновения этого факта с государственными установлениями и с учёной общественностью. Всё остальное – личное дело учёного, имеющее, конечно, громадное значение для его, повторяем, личной научной деятельности.

В самом деле факт научной поездки ни в стране, откуда учёный выезжал, ни в стране, куда он ездил, не вызывает ни интереса, ни любопытства. В наше время развитых международных отношений учёные сотнями выезжают за границу для научной работы; научные учреждения любой культурной страны тысячами принимают ежегодно учёных иностранцев. В Парижской национальной библиотеке можно встретить не только англичанина или шведа, но и индуса, японца, и негра. В летнее время в рабочих залах библиотеки иностранцев, пожалуй, не меньше, чем коренных французов, и такое явление не представляет собой ничего необычного.

Однако дело принимает значительно иной оборот, когда на европейском горизонте появляется фигура советского учёного, в особенности общественника, как по своей специальности, так и по своей работе. Выехавший за границу советский учёный оказывается в особом положении и не потому, что такие выезды единоличны, что он является «редкой птицей», – нет. В текущем году выезды исчислялись уже многими сотнями, в особенности в Германию.

Причина заключается в другом... Всё дело в том событии, которое совершилось ровно десять лет назад и которое как будто бы не имеет непосредственной связи с той или иной индивидуальной научной командировкой, – всё дело заключается в Октябрьской революции 1917 года.

Каждый учёный, приехавший из советского Союза, неизбежно рассматривается сквозь призму Октябрьской революции. Между советскими учёными и теми, с кем ему приходится встречаться по условиям своей работы за границей, зримо или незримо стоит Октябрь. Сам по себе этот факт, конечно, не предопределяет ещё отношения к данному советскому учёному, но является первым и основным вопросительным знаком, определяющим очень многое.

Во избежание недоразумений необходимо сказать, что последующие строки не основаны, да и не могут быть основаны, на «объективном» цифровом, статистическом или анкетном материале. Единственный источник их – впечатления, наблюдения, беседы с советскими же учёными и, наконец, факты. Многое должно зависеть от условий поездки (официальная, групповая на съезд или конгресс или индивидуальная в течение нескольких месяцев), от страны, куда имела место командировка, даже от научной специальности, наконец, от неизбежной и произвольной «точки зрения». Но все эти моменты, как бы они ни контролировали друг друга, как бы они ни ограничивали себя взаимно в отношении выводов, оставляют неизгладимым основным факт: советский учёный встречается прежде всего как «советский», а затем уже как «учёный».

Было сказано, что сам по себе факт Октябрьской революции не предопределяет ещё отношения к советскому учёному. Это и понятно, ибо важно не только к кому «относятся», но и кто «относится», а это определяется тем, как относятся к самой Октябрьской революции и её детищу – Советскому Союзу.

Азбучно ясно, что отношение к советской власти не может быть одинаковым во всех странах и у всех классов населения. Ещё бы! Когда вы в Париже, находясь у кладбища Pere Lachaise спрашиваете, как найти Mur de la Commune (в пер. с фр. «Стена коммунаров»)³, то на ваш вопрос реагируют различно: встречный интеллигент просто отвечает, что он не знает; гарсон в ближайшем кафе направляет вас к памятнику расстрелянных рабочими генералов [Клода] Леконта и Клемана Тома⁴, ажан (от фр. agent – полицейский) на перекрёстке пытливо и подозрительно оглядывая вас, даёт сухие и неясные указания, а группа рабочих, к которой, наконец, вы обращаетесь, приветливо окружает вас и расспрашивает, нужна ли вам Mur de la Commune или, быть может, Murdes Federes (в пер. с фр. «Стена федералов»), и когда один из них, указывая путь, говорит о Rue rouge (в пер. с фр. «Красная улица»), то другие, смеясь и подмигивая, сообщают официальное название улицы, переименованной рабочими в «Красную улицу». Естественно, что ещё более различно отношение к Октябрьской революции и советской власти.

Даже среди единой, как будто бы, группы интеллигенции, с которой и проходит больше всего сталкиваться советскому учёному, нет единого отношения к революции, а отношение к ней, во всяком случае, определяет на первых порах отношение и к советскому учёному.

В побеждённой, но день ото дня крепнущей Германии, волею Версальского мира принуждённой озираться на своего восточного соседа едва ли не больше, чем на соседа западного, в Германии интеллигенция, исторически связанная с буржуазией, к советскому учёному – со смешанным чувством любознательности, благожелательности и в то же время некоторой опаски.

В Германии нас знают больше, чем в любой другой стране. На Германию приходится больше всего выездов учёных из Советского Союза. Не только для учёных, но и для широкой интеллигенции не прошла даром та неделя советских учёных, которая имела место летом текущего года. Советские учёные печатаются во многих научных журналах. Здесь вообще невозможен вопрос, заданный русскому научному работнику одним интеллигентом во Франции: «Правда ли, что в России после революции сохранились университеты?»

Немецкие учёные видят опасные симптомы, обнаруживающиеся в послевоенной Германии: захлестывание филистерской, мещанской массой славного теоретического прошлого Германии. Ф. Энгельс когда-то говорил о немцах как о философской нации. Теперь обосновать это было бы значительно труднее. Филистер растёт и обволакивает и музеи, и книгоиздательское дело, и театры. Вместе с советским научным работником немецкий учёный осмеивает проникновение филистера в область философии, ярко выражающееся в фактах рекламирования «Kantschokolade» и «Leibnitz-кэкса»⁵, не идущее дальше появления все того же Канта на почтовых марках. Вместе с советским научным работником немецкий учёный в лучшей своей части недоумевает по поводу шести курсов для студентов всех факультетов Берлинского университе-

та, шести курсов богословского и полубогословского содержания, из которых на первом же месте стоит: Weltanschauungsfragen (GoltundWelt, ReligionundWissenschaft) (в пер. с нем. идеологические вопросы, и мир, религия и наука). Наконец, вместе с советскими учёными он соглашается, что пора бы и в издательских каталогах отделить философию от богословия и «окультурных наук».

Значит ли это, что немецкий учёный интеллигент «принял» Октябрьскую революцию? Нет, такой вывод был бы слишком поспешным. Но немецкий учёный, если он не лишён некоторого горизонта, способен, по крайней мере, понять, каким прогрессивным фактором в области научной работы явилась Октябрьская революция; он знает, что в Советском Союзе ведётся упорная и плодотворная работа, он интересуется её достижениями, он с восторгом приветствует наши открытия, наши успехи. Иногда это принимает характер широкого общественного явления; так было с неделями советских учёных⁶, так было несколько позже, когда наш физик Т.⁷ демонстрировал своё изобретение – «радиомузыку».

Но уже за границей Германии картина меняется. Распространённым явлением становится полное незнание того, что делается в научной области в Советском Союзе, вернее, полное незнание того, что вообще делается у нас. В конце-концов досадно не то обстоятельство, что не знают, – знание ведь дело наживное, а то, что, не зная, толкуют, судят и приговоры выносить имеют смелость. Притом не только не знают, но и палец о палец не ударят для того, чтобы узнать! Истина, видите ли, найдена, найдена в эмигрантской прессе, в буржуазно-бульварных газетах. Им давно и твёрдо известно, что в России нет, по крайней мере, не осталось, ни научных музеев, ни рукописей, ни книг. Большевики всё уничтожили и довели несчастную страну до того состояния, в котором она была тысячу лет назад.

В этом отношении характерен один разговор, который имел в поезде советский учёный Х. с чехо-словацким учёным, по всей видимости, далеко не первого разряда. Началось с недоразумения: прочтя на кофре незнакомца фамилию известного заграничного музыканта, побывавшего уже раза два в Москве, Х. обратился к нему с вопросом: «Вы бывали в Москве?» На лице незнакомца выразилось удивление, которое моментально сменилось ужасом – как это вышло так, что его заподозрили в поездке в большевистскую Москву. «Я?! В Москве?! Почему вы это спрашиваете?». Недоразумение рассеялось: незнакомец оказался учёным гражданином Чехо-Словакии, историком. Но разговор, увы, уже был начат. После первого осведомительного, ставшего уже анекдотическим, вопросом: «Как вы думаете, удержится ли Советская власть?» и после утвердительного ответа Х. последовало многозначительное и с сомнением покачивание головой.

Разговор продолжался. Чехо-словацкий учёный гражданин взялся определить одним словом нынешний социально-политический строй России. Но, к сожалению, он позабыл это слово. Увидев, с кем приходится иметь дело, Х. решил прийти «на помощь» своему собеседнику: «Может быть, варварство?» – «Нет, – последовал ответ учёного историка, – конечно, вы там все варвары, но политический строй ваш?! Ах, как же он называется?.. Ну, что у вас было до Рюрика?» Х., продолжая играть в тон, с серьёзнейшим видом ответил: «До Рюрика? Но у нас ничего не было до Рюрика! Наша история начинается с Рюрика». Чех остался неудовлетворён: он знает, но он забыл. Разговор оборвался. Однако через час или полтора он радостно сообщил Х.: «Вспомнил, вспомнил! Мир! У вас сейчас возврат к древне-русскому миру». Чего-чего, но этого Х. не ожидал. Он нашёлся только спросить, откуда у учёного собеседника такие сведения. «Как же, – последовал ответ, – мне об этом говорили мои учёные чехо-словацкие друзья из России». И нужно было видеть, сколько самоудовлетворения было в этом столь «удачном» и столь «научном» разрешении проблемы советской политической действительности.

Если мы в глазах подобного европейского учёного вернулись вспять на тысячу лет, то что же мудрёного, что у нас нет ни рукописей в архивах, ни книг в библиотеках, ни экспонатов в научных музеях. Академик М. рассказывал пишущему эти строки, как один французский учёный не хотел верить ему, что у нас хранятся древние рукописи. Француз пришёл в смущение, когда М. заявил, что выпишет немедленно из Ленинграда фотокопии рукописей и через десять дней предъявит их учёному скептику.

Этим летом на одном естественно-научном съезде в Голландии голландские учёные сетовали, что, к сожалению, у них погибли все анатомические препараты знаменитого [Фредерика] Рюйша⁸. И портреты Рюйша сохранились, и литература имеется, а самые препараты все погиб-

ли. Когда русский профессор Т. сообщил, что в Казани в целости и невредимости хранятся препараты Рюйша, купленные ещё Петром, то ему просто не поверили⁹. Ещё бы! В Голландии не сумели сохранить их, так вдруг сумели сохранить в какой-то Казани. Зато фотографические снимки этих препаратов только что выполненные и продемонстрированные профессором Т., произвели настоящий фурор.

Советскому учёному приходится пробивать нередко толстую стену предрассудков, страстной предвзятой мысли, узкого национализма и подчас просто невежества иностранных учёных в отношении пооктябрьской России. Едва ли будет ошибкой сказать, что толще всего эта стена в современной Франции. Конечно, имеются и здесь счастливые исключения, но и в данном случае речь об общем тоне.

Этот общий тон задают, несомненно, правящие круги современной Франции, которым вторит бульварная, зачастую продажная пресса. Советский учёный – это вообще non-sens (нон-сенс – пер. с фр.) для девяти десятых официальной Франции. Историк В., преподавателю высшей школы на Украине, при выработке им *carte d'identité* (в пер. с фр. удостоверение личности) пишут, несмотря на его протесты, *sans profession* (без профессии – пер. с фр.). Крупнейшему учёному¹⁰, члену Академии наук СССР, приехавшему во Францию изучать язык басков, ничто же сумняшеся, выписывают *étudiant* (учащийся, студент – пер. с фр.), что сразу же возбуждает подозрительность полиции: русский седой, а называет себя студентом! Историка Ф.¹¹ не допускают в архив *Préfecture de police* (в пер. с фр. префектура полиции), хотя ему нужны документы XVIII века. За историком К.¹² следят, его останавливают на улице и учиняют допрос, полиция заходит справляться о нём в отель. Академику М. не отказывают в выезде в колонии для изучения языка африканских племён, но и не рекомендуют ехать туда. Ему даже идут навстречу, заявляя, что предоставят материал здесь же в Париже, в лице солдат из колониальных войск. Когда М., чтобы не терять времени, соглашается на эту комбинацию, то оказывается, что к солдатам его не допускают, предлагая изучить народный язык в беседах с офицерами. Так, очевидно, всё-таки спокойнее насчёт большевистской пропаганды.

Однако русского учёного осторожно спрашивают: «Ну как, что вы поделяете в России?». Ответ: «Как что делаем? Работаем!» – вызывает недоумение; его, очевидно, не ожидали. После этого ещё более осторожно спрашивают: «Скажите, почему вы не протестуете?». На это со стороны советского учёного следует достойный ответ: «А почему вы не протестуете? Нам нечего протестовать, а вот вам, пожалуй, есть отчего и протестовать».

Совершенно возмутительный случай произошёл в Париже с пишущим эти строки. По ходу работы необходимо было проштудировать одну книгу XVIII века в библиотеке Лувра. Преодолев ряд препятствий, я попал, наконец, в преддверие библиотеки, где должен был подождать хранителя. Отрекомендовавшись, я сообщил ему о цели моего прихода. Хранитель, седой старичок в шапочке, видя пред собой иностранца, спросил: «Вы англичанин?». Нужно сказать, что это происходило в то время, когда весь Париж был наводнён англичанами и американцами, приехавшими к празднествам в честь американского легиона. На этот вопрос мне, очевидно, осталось лишь скромно ответить: “Non, monsieur, *je suis russe*” («нет, месье, я русский» – пер. с фр.). – “Pas, monsieur, pas, monsieur” («нет, месье, нет» – пер. с фр.) последовал решительный ответ и старичок быстро шмыгнул в коридор библиотеки. Но советский учёный упорен и настойчив. Я последовал за слишком националистически настроенным старичком и продолжал настаивать уже в повышенном тоне. Однако и хранитель не сдавался. Не найдя требуемого автора в каталоге, он с удовлетворением ответил: «Видите, нет! Коммунары сожгли библиотеку Лувра в 1871 г.». Когда я рассказывал этот факт известному у нас французскому историку Великой революции М.¹³, то он настаивал на возбуждение дела против ретивого хранителя в министерстве народного просвещения. Однако, меня не интересовали последствия этого факта, он был достаточно красочен сам по себе.

При той травле во Франции всего что имеет советскую печать, пришлось много поразмыслить, прежде чем решиться ехать для научной работы во французскую провинцию. Ряд знакомых интеллигентов – как французов, так и советских учёных, хорошо знающих Францию, прямо указывали, что в провинции будет ещё хуже, что можно только потерять даром время. Во всяком случае необходимо было заручиться компетентными указаниями и по возможности письмом не к официальному представителю власти, а какому-либо радикально настроенному учёному.

Через нашего академика Т.¹⁴ пишущий эти строки свёл знакомство с французским историком М., о котором уже шла речь. Приходится с глубоким удовлетворением констатировать, что ряд французских учёных, к которым принадлежит и М., думают о Советском Союзе иначе, чем подавляющее большинство буржуазной интеллигенции. Речь М. по адресу Советской России звучал сплошным восхищением; конечно, и в данном случае отсутствовал целый ряд фактических знаний, но смысл Октябрьской революции, по крайней мере, был понят и объективно оценен.

Зная о нескольких русских молодых учёных, приехавших в Париж изучать документы по истории Великой французской революции, профессор М. должен был с горечью констатировать, что в то время, как в Советской России создалась прекрасная историческая школа, во Франции он не только не имеет школы, но из молодёжи Великой французской революцией занимаются лишь единицы. В семинарии его, М., всего лишь несколько человек, да и то наполовину иностранцев.

Пришлось констатировать также и то обстоятельство, что в то время, как в Советском Союзе историю Франции изучают и знают, во Франции историю и современность России и не знают, и не изучают.

В ряде бесед как с профессором М., так и с другими учёными легко было нащупать слабое большое место французской учёной интеллигенции: ценнейшие исторические архивы находятся в частных руках и недоступны для обработки; правительство не даёт денег на издание ряда необходимейших документов; издательства отказываются, в силу убыточности, издавать классические произведения, корреспонденцию крупнейших мыслителей и т. п. Так, например, первое, действительно полное издание переписки Ж.-Ж. Руссо под редакцией Дюфура прекращается на VII томе¹⁵, так как частный издатель не желает дальше нести убытки. Франция не имеет изданного по всем современным правилам полного собрания сочинений Вольтера¹⁶. Когда один из почитателей Дидро нашёл у частных лиц оригиналы неизвестных до сих пор писем Дидро к С. В. Воллан¹⁷ (их оказалось гораздо больше, чем тех, которые известны и были изданы ещё в семидесятых годах), он не мог найти издателя. Когда пишущий эти строки указывал на необходимость издать эти письма путём, уже имевшим прецеденты, именно путём национальной подписки, то он последовательно от трёх лиц получал один и тот же ответ, лишь с небольшими вариантами: «Национальная подписка! Национальная! – говорите вы, – нужно знать нашу современную публику», – отвечал один, «Нужно знать нашу буржуазию», отвечал другой, «Нужно знать современную французскую, с позволения сказать, интеллигенцию, – отвечал третий, – она интересуется автомобилями, нарядами, revues (журналы – пер. с фр.), дансингами, а не книгами. Если вы объявите издание безразлично какой книги, пусть это будет дрянь, но с тиражом не свыше трёхсот нумерованных экземпляров на роскошной бумаге и из них первых сто – именных, то ещё до издания книги по какой угодно цене подписка превзойдёт тираж в три с лишним раза, но если вы просто издадите эту же книгу в количестве 1 000 экземпляров, то она вскоре пойдет к букинистам на набережную Сены». Трудно себе представить более меткую характеристику большинства современной буржуазной интеллигенции на Западе.

Тем любопытнее было ознакомиться с учёной интеллигенцией французской провинции. По ходу работы пишущему эти строки нужно было проехать в маленький старинный городок Пуатье. Трудно утверждать, но весьма вероятно, что я был первым советским научным работником, побывавшим в Пуатье. Равным образом не могу утверждать, что Пуатье характерен для всей провинциальной Франции. Быть может, это исключение, но приходится сказать, что в таком случае это – счастливейшее исключение.

Заручившись из Парижа письмом профессора М., я явился к историку Б., члену-корреспонденту Института. Задача моя заключалась в том, чтобы получить доступ в старинной муниципальной библиотеке к рукописям одного монаха-атеиста XVIII века¹⁸. По счастливой случайности часть этих рукописей в копиях уже давно находится в Москве¹⁹. Узнав об этом факте, профессор Б. не мог скрыть своего изумления. Было вполне очевидно, что для него явился совершенно неожиданным тот факт, что в большевистской России имеются копии рукописей из Пуатье (нужно сказать, что пуатьинцы чрезвычайно гордятся своей муниципальной библиотекой и её архивом), что в этой варварской стране интересуются забытым пуатьинцем XVIII века. Первоначальный холодок встречи исчез, и я получил письмо к мэру города, являющемуся главным шефом муниципальной библиотеки. Но я решил обойтись без посредства этой официальной

особы, ибо успел ознакомиться с содержанием и характером местной городской «беспартийной политической газеты» – она являлась сплошным и достаточно бойким подголоском парижской националистически-шовинистической бульварной прессы.

Таким образом, минуя мэра, я направился непосредственно в библиотеку. Ни хранителя, ни помощника хранителя не оказалось, и тем не менее третий и последний работник библиотеки через пять минут предоставил в моё распоряжение все нужные мне рукописи XVIII века.

Неизменно любезное отношение встретил я в последующие дни и со стороны хранителя библиотеки и со стороны его помощника. Не могу удержаться, чтобы не привести разговора с вторым, когда мы на следующий же день вышли вместе после закрытия библиотеки. Подчёркнуто осмотрев меня с ног до головы и имея в виду мою далеко не худшую фигуру, он говорит: «Ну, да, в России едят». «Наши газеты пишут, что у вас помирают с голоду, а я видел уже нескольких приезжих из Советской России, и все они выглядят неплохо». И следом за этим: – «Скажите, вы ещё никого не убили в Пуатье?» – На моём лице снова недоумение. – «Вы когда приехали в Пуатье?» – «Вчера». – «Вчера». – «И никого ещё не убили?» – Поняв шутку, я вхожу в тон и отвечаю: “Pasencore, monsieur”. – «Как же! У нас пишут, что вы все в России бандиты и убийцы, что вы не можете не убивать людей. Скажите, а вы ничего не похитите у нас? Ничего не украдёте?» – «Пока не собираюсь». – «И нашу Notre-Dame la Grande²⁰ не похитите у нас?» – «Нет мосье, этого добра у нас много и своего». – «Но ведь наши газеты пишут, что вы все там воры и грабители!» – «Почему же? У вас есть разные газеты, например, Humanité²¹?» – «Э, нет! Вы знаете, я совсем не читаю газет. Я не верю и не могу верить тому, что они пишут о Советской России». – «Но почему же вы не читаете Humanité?» – «Не могу: те слишком направо, а эта слишком налево. Я предпочитаю просто не читать газет, хотя и интересуюсь тем, что происходит в других странах».

Этот разговор очень характерен. Во Франции приходится встречать довольно многих представителей учёной интеллигенции, которые сбиты с толку бульварной буржуазной прессой, которые изверились в ней и не принимают её шовинистического духа. Они чувствуют, что в действительности дело обстоит не так, что Советский Союз – вовсе не тот чёрт, которого так малюют бульварные листки, что у нас идёт грандиозная созидательная работа. Но в то же время эти интеллигенты, в силу классовой своей природы, в силу её противоречивости и половинчатости, боятся сделать какие-либо решительные выводы и поэтому предпочитают вовсе не читать газет, вовсе уйти от «политики».

«Я не политик, а учёный», – эту фразу часто приходится слышать от западных научных работников. Эту фразу не следует ни недооценивать, ни переоценивать. Её нельзя недооценивать потому, что при ситуации последнего времени она означает отход учёной интеллигенции от национализма и шовинизма, столь широко распространённых во Франции наших дней. Её нельзя переоценивать, потому что она означает подавление в себе всяких ростков политической мысли; она служит обоснованием, своего рода теорией «практики» коллекционирования в часы досуга у германского учёного почтовых марок и старых фотографий и дагерротипов, у французского учёного – собирания народных песенок и даже регулярного хождения в дансинги.

Эта же фраза вреднейшим образом отражается на самой научной деятельности. Пишущему эти строки пришлось ознакомиться с таким выражением работы французских учёных, как обзор преподавания в Пуатьинском университете и труды общества историков в Пуатье за ряд лет.

В трудах общества в предвоенные годы занимали почётное место солидные монографии по истории Великой французской революции («История революции в Пуату», «История социально-политической мысли в Пуату в эпоху революции» и т. п.). Война и увлечение франко-русским союзом ставка на царскую армию вызвали к жизни уже иные темы: «Франко-русские соотношения», в XVIII в., «Военные мобилизации в департаменте Вьенн в 1915 г.» и т. п. В последние годы темы окончательно измельчали.

В университете то же оскудение. Из добровольно объявляемых курсов значатся: «Государственный социализм во Франции в XVI веке» (!), причём тот же профессор-историк читает *Geographie regionale* (в пер. с фр. «региональная география»). В семинариях по истории литературы [де] Сабле²² сменил [Ф. Р. де] Шатобриан²³; в философской семинарии французскую философию эпохи Просвещения сменил Платон. Объективно это означает шаг назад, своего рода реакцию.

В том-то и разница, что западно-европейский учёный уходит сейчас в своей кабинет, в свою, пусть учёную, скорлупу, советский же учёный всё больше и больше пропитывается здоровой революционной общественностью. Как общественник приезжает он в Германию и Францию, и эта общественная жизнь его не остаётся незаметной для его западно-европейских коллег.

Сквозь призму Октябрьской революции со всеми следствиями рассматривают советского научного работника на Западе, и нужно сказать, что он выдерживает испытание. Равным образом выдерживает он испытание и по своей прямой специальности. Работы советских учёных в западно-европейских странах уже возбуждают интерес и вызывают достаточную лестную оценку. Тем самым одерживает победу на одном из труднейших фронтов – на фронте предвзятой мысли, предубеждений, недоверия и голого отрицания – послеоктябрьская наука.

Научный работник. 1927. № 11. С. 99–108.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. К. Никольский был командирован за границу для изучения новейшей литературы по проблеме возникновения религии ещё в 1926 г., однако по техническим причинам поездка не состоялась [11, л. 31].

² Заметим, что И. К. Луппол на VII Международном конгрессе философов представил доклад «Согласуется ли философия истории с фактами истории» [3, л. 2].

³ Стена коммунаров, или Стена федералистов – часть стены на парижском кладбище Пер-Лашез, где в мае 1871 г. были расстреляны 147 защитников Парижской коммуны, не пожелавшие сложить оружие.

⁴ К. Леконт (1817–1871) и К. Тома (1809–1871) – первые жертвы Парижской коммуны, французские генералы, расстрелянные восставшими солдатами в марте 1871 г. во время революционных событий в Париже.

⁵ «Kantschokolade» и «Leibnitz-кэкс» – сладости, производимые в Германии под торговыми марками «Kant» и «Leibnitz».

⁶ С 19 по 26 июня 1927 г. в Германии (Берлин, Гамбург, Мюнхен, Кёльн, Лейпциг и др.) проходила «неделя русских учёных и русской науки» (иногда её также называют неделей исследователей). Мероприятие было организовано Немецким обществом по изучению Восточной Европы, Обществом содействия германской науки и ориентировалось исключительно на специалистов естественнонаучных дисциплин. Советскую делегацию составили представители медицинских наук (А. Н. Семашко, А. И. Абрикосов, С. П. Федоров); биологических (А. Г. Гурвич, Н. К. Кольцов, А. Л. Бенинг, А. Ф. Самойлов, И. И. Шмальгаузен); физических (А. Ф. Иоффе, П. П. Лазарев); химических (А. Е. Чичибабин, В. Н. Ипатьев, Д. Н. Прянишников, А. В. Палладин); геологических (В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, А. А. Борисяк, А. Б. Никифоров). Программа мероприятия предусматривала знакомство с немецкими научными учреждениями, выступление с докладами и последующее их обсуждение.

⁷ Вероятно, речь идёт о советском учёном С. Я. Турлыгине (1891–1955), который в 1924 г. изобрёл радиопередатчик.

⁸ Ф. Рюйш (1638–1731) – голландский анатом, получивший всемирную известность благодаря разработке способа бальзамирования трупов, автор анатомической коллекции Кунсткамеры.

⁹ Препараты Ф. Рюйша с 1837 г. хранятся в Казанском анатомическом театре (ныне – музей кафедры нормальной анатомии Казанского государственного медицинского университета).

¹⁰ Скорее всего, И. К. Луппол подразумевает советского лингвиста Н. Я. Марра, который в конце 1920-х гг. отправился во Францию изучать язык басков в рамках разработки яфетической теории языка, о чём он сообщает в письме к О. М. Фрейденберг [12, с. 194].

¹¹ Предполагаем, что речь идёт о советском историке Великой французской революции Г. С. Фридлянде (1897–1937).

¹² Вероятно, И. К. Луппол упоминает советского исследователя истории Франции XIX в. С. Д. Куниского.

¹³ Речь идёт о французском историке А. Матьезе (1874–1932), специалисте по истории Великой французской революции, одним из первых обратившихся к изучению социально-экономических процессов революционной эпохи. В 1920-е гг. он пользовался непререкаемым авторитетом у советских учёных, его книги широко переводились на русский язык и были известны не только специалистам, но и широкой общественности. В 1928 г. он был избран иностранным членом-корреспондентом АН СССР. Однако после резкой критики А. Матьезом политических процессов конца 1920 – начала 1930-х гг. советские исследователи в лице Н. М. Лукина и его ближайших учеников выступили с рядом политических обвинений в адрес французского коллеги, указав на его переход «в лагерь врагов СССР» [13, с. 431].

¹⁴ Мы полагаем, что И. К. Луппол подразумевает известного советского историка Е. В. Тарле (1874–1955), избранного академиком по отделению исторических наук и филологии в 1927 г. и являвшегося близким другом А. Матьеза. Именно его арест в 1930 г. вызвал наиболее значительные протесты со стороны французского исследователя.

¹⁵ Т. Дюфур (1844–1922) – швейцарский архивист, библиотекарь и историк, являвшийся из-

дателем работ Ж.-Ж. Руссо. Упомянутое автором издание – это, вероятно, «Correspondance générale de J.-J. Rousseau», вышедшее в Париже в издательстве А. Колина с 1924 г. до 1934 г. под редакцией Т. Дюфура и П.-П. Плана.

¹⁶ В XIX в. во Франции было опубликовано несколько изданий собраний сочинений Вольтера. Одно из последних появилось в 1867–1873 гг. под редакцией Э. де Бедолье и Ж. Авенеля [14].

¹⁷ Софи Воллан – возлюбленная Д. Дидро, с которой он поддерживал связь, преимущественно эпистолярную, в течение тридцати лет. О ней известно, что она была дочерью откупщика, жила в Париже и его окрестностях и увлекалась трудами Гельвеция.

¹⁸ Во второй половине 1920-х гг. А. М. Деборин совместно с группой своих учеников приступил к изданию трудов философов-атеистов и материалистов XVII–XVIII вв. в рамках двух книжных серий – «Библиотеки материализма» и «Библиотеки атеизма». В Пуатье И. К. Луппол должен был познакомиться с рукописями Л.-М. Дешана – французского философа-материалиста, принадлежавшего к ордену бенедиктинцев и являвшегося казначеем монастыря Монтрей-Белле. Рукописное наследие философа, долгие годы создававшего систему утопического коммунизма, но опубликованного при жизни лишь две небольших анонимных работы, было обнаружено в середине XIX в. сотрудником муниципальной библиотеки г. Пуатье Сенне-Дежарден, который сообщил о своей находке профессору Э. Боссиру [15, с. 11]. Последний опубликовал в 1865 г. монографию о Л.-М. Дешане, однако публикация текста труда французского философа впервые появилась в 1930 г. в г. Баку [16; 17]. На французском же языке главный труд Л.-М. Дешана появился только в 1939 г. [18].

¹⁹ Рукописи работ Л.-М. Дешана были скопированы в Пуатье переводчицей Е. Д. Зайцевой и в 1920 г. доставлены в Россию.

²⁰ Notre-Dame-la-Grande de Poitiers – католическая церковь Пуатье, основанная в XI в. и имеющая статус коллегиальной и приходской церкви.

²¹ L'Humanité – французская ежедневная социалистическая газета. Была основана в 1904 г. Ж. Жоресом как средство объединения социалистического движения. В 1920–1994 гг. являлась центральным органом Французской коммунистической партии. На протяжении последних двадцати пяти лет является площадкой для выражения мнений французских левых политических партий.

²² М. де Сувре, маркиза де Сабле (1599–1678) – французская писательница-моралистка, основатель литературного салона, автор труда «Максимы», ставшего образцом для аналогичной работы Ф. де Ларошфуко.

²³ Ф. Р. Де Шатобриан (1768–1848) – французский философ, один из представителей «католического возрождения» начала XIX в., ультра-роялист, автор знаменитого трактата «Гений христианства», представляющего собой апологию католической Церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луппол И. К. Об особенностях работы советского учёного за границей // Научный работник. – 1927. – № 3. – С. 99–108.
2. Корсаков С. Н. Иван Капитонович Луппол: ренессансный человек в тисках сталинского режима // Философский журнал. – 2013. – № 1. – С. 135–163.
3. АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 233.
4. Луппол И. К. Лики Европы // Революция и культура. – 1927. – № 1. – С. 68–73.
5. Луппол И. К. Лики Европы // Революция и культура. – 1927. – № 2. – С. 57–64.
6. Луппол И. К. Об особенностях работы советского учёного за границей // Научный работник. – 1927. – № 3. – С. 99–108.
7. Бадя Л. В. Этапы творческого пути // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А. М. Панкратова. – М. : РУДН ; Мосгорархив, 2000. – С. 10–20.
8. 50 лет советской исторической науки: хроника научной жизни. 1917–1967. – М., 1971.
9. Свешников А. В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских учёных второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен. Очерки образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.) / под ред. А. Н. Дмитриева. – М. : НЛО, 2012. – С. 849–887.
10. Александров Д. А. Почему советские учёные перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. – 1986. – № 3.
11. ГА РФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 327.
12. Дьяконов И. М. По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988. – С. 178–204.
13. Погосян В. А. К вопросу о полемике Альбера Матьеза с советскими историками // Французский ежегодник. 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. – М., 2012. – С. 428–437.
14. L'œuvres completes de Voltaire: 9 vol. / prefaces, notes et commentaires par É. de La Bédollière et G. Avenel. – P. : Siècle, 1867–1873.
15. Богуславский В. М. «Истинная система» Дешана // Дешан Л.-М. Истина, или истинная система / под ред. В. М. Богуславского и др. – М. : Мысль, 1973. – С. 5–74.
16. Beaussire E. Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie française: Dom Deschamps, son système et son école : d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVIII siècle. – P. : Germer Baillière, 1865.
17. Дешан Л. М. Истина, или достоверная система. – Баку : АзГНИИ, 1930. – Т. 1.
18. Dom Deschamps. Le Vrai Système ou le Mot de l'énigme métaphysique et morale. – P. : Droz, 1939.

Информация о статье

Дата поступления
19 сентября 2017 г.

Дата принятия в печать
30 октября 2017 г.

Сведения об авторах

Груздинская Виктория Сергеевна – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Метель Ольга Владимовна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: olgametel@yandex.ru

Для цитирования

Груздинская В. С., Метель О. В. «Правда ли, что в России после революции сохранились университеты?»: И. К. Луппол о специфике взаимоотношений советских учёных с западными коллегами в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 275–285. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.277-287.

Article info

Received
September 19, 2017

Accepted
October 30, 2017

About the authors

Gruzdinskaya Victoria Sergeevna – graduate student of the Department of Modern Russian History and Historiography of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Metel Olga Vadimovna – Candidate of Historical sciences, senior lecturer of the Department of World History of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: olgametel@yandex.ru

For citations

Gruzdinskaya V. S., Metel O. V. «Is It True That Universities Have Survived in Russia After the Revolution?»: I. K. Luppol About the Particularities of Soviet Scientist Relations with the Western Colleagues in the 1920s. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2017, no. 4 (16), pp. 275–285. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.277-287 (in Russian).